

ского университета, местных литераторов. Под его руководством «Харьковские губернские ведомости» стали одной из самых передовых русских провинциальных газет. С 1903 г., после вынужденного ухода Ефимовича из редакции, направление газеты резко изменилось.

⁷ «По морю и суше», 1891, № 26, стр. 5 (цитата неточная).

⁸ В заметке «Орловского вестника», 1891, № 32, 1 февраля, напечатанной под рубрикой «Литература и печать», сообщалось: «„Московские ведомости“, говоря о том, что при Комитете грамотности образован фонд имени М. Е. Салтыкова, — и что жители Петербурга и нескольких сибирских городов собрали уже 247 р., проценты с которых пойдут на покупку книг для беднейших школ, — с злорадством прибавляют: „не густо...“ Да, действительно, не густо... Только что это значит? Неужели то, что имя Михаила Евграфовича ничего не значит для нашего общества? Ведь если судить по подобным фактам, то придется согласиться, что, например, имя Гоголя, на памятник которого собирают уже в течение нескольких лет и все никак не соберут, — тоже для русского общества значит весьма немного? Что же касается того, насколько публика читает произведения М. Е. Салтыкова, то об этом можно судить по тому, что шесть тысяч экземпляров дорогого издания его сочинений разошлись в несколько месяцев...»

Можно думать, что автором этой заметки был также Бунин — в письме к брату Юлию от 27 июля 1890 г. он подробно рассказывал о своей работе в «Орловском вестнике» и сообщал при этом: «Главным же образом строчу „Литературу и печать“» («Материалы», стр. 22).

Издание Щедрина, о котором говорится в конце заметки, — это «Сочинения». СПб., 1889—1890, т. I—IX. Подготовленное самим Щедриным, это издание заканчивалось после его смерти К. К. Арсеньевым и М. М. Стасюлевичем. Информация о выходе томов этого издания регулярно помещалась в «Орловском вестнике» (1889, 10 мая, № 60; 1890, 24 января и 14 марта, № 12, 54; 1891, № 24, 79).

⁹ В «Московских ведомостях», 1891, № 38, 7 февраля, под рубрикой «Дневник печати», была напечатана заметка: «Салтыков и „Орловский вестник“». В ней говорилось: «„Орловский вестник“ очень обиделся за „русское общество“ по поводу перепечатанного нами известия о 247 р., составляющих „капитал“ имени Салтыкова при Комитете грамотности». Цитируя далее «Орловский вестник» (см. выше, примеч. 8), автор заметки добавляет: «Какая, подумаешь, теплота передовых чувств! Читайте на здоровье! А дело только в том, что основание капитала имени знаменитого отрицателя *при Комитете грамотности* совершенно неуместно».

ЗАБЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Предисловие И. С. Газера

Бунин в течение всей жизни с глубоким интересом и уважением относился к творчеству писателя-демократа Н. В. Успенского. Николай Успенский привлекал сочувственное внимание Бунина, как «один из первых русских писателей, сердечно, но беспристрастно посвятивших свой талант изображению деревенской народной жизни», который «в свое время много способствовал к уяснению народного быта, имел большое влияние на общество и возбуждал серьезные критические толки». Бунин задумывался и о трагической, мучительной жизни Николая Успенского, объяснение которой он искал как во внешних обстоятельствах, так и во «внутреннем разладе» личности этого писателя, близкого своей изломанной судьбой другим писателям-народникам, загубленным, по мысли Бунина, убожеством среды: «Увлекался я в молодости и Николаем Успенским, и опять не только в силу его дарования, но в силу и личной судьбы его, во многом схожей с судьбой Левитова: страшные загадки русской души уже волновали, возбуждали мое внимание», — вспоминал он в годы эмиграции (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 274).

О серьезности интересов молодого Бунина к жизни, личности и творчеству Н. Успенского говорит то, что он сам записывал факты из биографии Успенского со слов близко знавших писателя людей. Именно на основе этих собранных Буниным материалов и были написаны им статьи о Н. Успенском: «Талант, выброшенный на улицу. По поводу самоубийства Н. В. Успенского» (1889)¹, «К будущей биографии Н. В. Успен-

ского» (1890) ² и, наконец, статья, публикуемая ниже, — «Забывтый человек» (1892). Три года спустя Бунин снова хотел вернуться к занимавшему его писателю. 14 октября 1895 г. он писал И. А. Белоусову: «А Успенский меня очень занимает и когда буду в Москве — помогите, голубчик, пособрать кое-что о нем — верно, найдутся люди, знавшие его» ³. Тогда же он обратился через газеты ко всем, кто мог бы оказать ему помощь «в составлении возможно полной биографии и критического этюда об Успенском» ⁴.

О некоторых фактах биографии Успенского, не использованных в этих статьях, Бунин рассказывает в воспоминаниях периода эмиграции, вновь возвращаясь к раздумьям о причинах гибели многих одаренных русских людей, с горечью отмечая, что их таланту не суждено было развиться «даже и в десятой доле должной меры» (Собр. соч., 1965—1967, т. 9, стр. 273—275).

Статья «Забывтый человек» представляет собой вторую, несколько измененную и сокращенную редакцию статьи «Памяти Н. В. Успенского», написанной двумя годами раньше. В статье «Забывтый человек» отсутствует диалог с священником, тестем Успенского, нет рассказанного им эпизода из истории отношений Успенского и И. С. Тургенева, выброшено несколько фраз из разговора с кабатчиком, сильно сокращен конец статьи. Опустив ряд этих подробностей, Бунин ввел в текст статьи несколько важных положений, выражающих его общую оценку творчества Н. Успенского, его места в русской литературе, его влияния на общество, а также оценку народнической литературы о крестьянстве.

В статье «Забывтый человек» Бунин с горечью отмечает, что за три года после смерти Успенского ни в одном из журналов не появилось не только короткой биографии писателя, но даже упоминания о нем. Бунин своими статьями как бы стремился снять печать забвения с памяти этого большого писателя, одного из первых русских писателей-разночинцев. Большинство биографических заметок, воспоминаний о Н. Успенском появилось уже после статьи Бунина (см. Я. П. П о л о н с к и й. К биографии Н. Успенского. — «Исторический вестник», 1898, № 4; Д. И. У с п е н с к и й. Н. В. Успенский. — «Исторический вестник», 1905, № 11; С. И. М и л о в и д о в. Из воспоминаний о Н. В. Успенском. — «Приазовский край», 1893, № 119, и др.).

Интересно, что К. И. Чуковский в работе, написанной в 1919 г. и много раз переиздававшейся («Жизнь и творчество Николая Успенского»), в числе других биографических материалов и даже чаще других использует факты и сведения, сообщаемые Буниным, несколько раз ссылается на статью «Забывтый человек», цитируя ее (см. К. Ч у к о в с к и й. Люди и книги. М., 1960, стр. 114, 144, 151). При этом Чуковский берет и самое заглавие статьи Бунина, считая его очень верным и метким: «...прозвище „забывтый писатель“ прочно пристало к нему <...>. Он и сам именовал себя забывтым. А когда он умер, во всех некрологах слово „забывтый“ стало его постоянным эпитетом. Газеты в один голос признавались, что не помнят ни одного заглавия его сочинений. „Забывтый человек“ — таково заглавие одной мемориальной заметки о нем» (К. Ч у к о в с к и й. Люди и книги, стр. 144).

Три года тому назад, 21 октября на одной из улиц Москвы нашли человека с перерезанным горлом, в нищенской одежде... Нашли, дознали, что человек зарезался по собственному желанию, составили акт, похоронили, а наследство, оставленное им — 8 копеек, найденные в его кармане, отправили его наследникам... В мелких газетках об этом было прописано в отделе «По улицам и переулкам», а журналы не обратили на это никакого внимания. Ни в одном из них не было не только короткой биографии этого человека, но даже упоминания его имени, как не было и после, за все эти три года.

Этот человек был Николай Васильевич Успенский, один из первых русских писателей, сердечно, но беспристрастно посвятивших свой талант изображению деревенской народной жизни и вообще «мелкого», серого люда — человек с большой наблюдательностью, большим знанием деревни, сочинения которого, в ряду других произведений народнической

ОРЕЛ. БОЛХОВСКАЯ УЛИЦА

Открытка. 1910-е годы

Собрание А. К. Баборено, Москва

литературы, всегда будут отмечаться в истории развития русского общества. Правда, он не знал народа, не знал сердца мужика,— так, как, например, знает его Глеб Успенский или Златовратский, но в свое время все-таки много способствовал к уяснению народного быта, имел большое влияние на общество и возбуждал серьезные критические толки.

Но еще больше можно было от него ожидать, чем он оставил... Это старая история. Николай Васильевич принадлежит к числу русских писателей «неудачников» — к тем, одни из которых были подавлены нищетою, другие — с чуткою до болезненности душою — не вынесли окружающей их обстановки, а третьи унесли с собой в могилу тайну своей горькой участи.

Николая Васильевича более всего можно отнести к последним. Жизнь его была очень печальная и странная. Про нее ходило много различных толков, но правды никто не знал, кроме близких ему людей; биографии его нет до сих пор... Предлагаю поэтому несколько фактов из его жизни; характерны они или нет — я судить не буду; могу только сказать, что они — не слухи и не вымыслы...

Я — земляк Успенского. Верстах в 30 от нашего имения есть село Лобаново, Тульской губернии, Ефремовского уезда. Успенский родился в нескольких верстах от Лобанова, жил в самом Лобанове несколько лет, имел там родственников,— и вот от его тестя и друга детства, священника А. И. Успенского, человека образованного и развитого ⁵, и от некоторых

лобановских жителей, отлично знавших его, я собрал следующие сведения*.

Николай Васильевич родился приблизительно в 1845 году⁷, в селе Ново-Михайловском (Ефремовского уезда) и происходил из духовного звания. Первоначально он учился в Троицком духовном училище (в Новосильском уезде), потом перешел в семинарию и, по окончании там курса, поступил в университет. Но, по странности своего характера, он пробыл там недолго и вышел. На мой вопрос: «Почему Николай Васильевич не мог нигде долго удержаться?» — А. И. Успенский ответил, что объяснить это трудно. «Из-за пустяков не уживаются не такие люди, как Николай Васильевич, а мелкие, страдающие грошом самолюбием», — сказал он мне... Потом Николай Васильевич снова поступил в университет и снова вышел. На службе повторялись те же истории. Служебная деятельность Н. В. была по преимуществу педагогическая. Так, между прочим, он был помощником в яснополянской школе Л. Н. Толстого, но и там пробыл не более двух месяцев. Так и проходила его жизнь — где день, где ночь, материально никогда не обеспеченная. Деньги же совсем не держались у Николая Васильевича. Писать Николай Васильевич начал сравнительно поздно. По словам Александра Ивановича, он не шел по обычной для многих дорожке, то есть не начал писать еще в школе, что-нибудь вроде мелких подражаний. Первый его рассказ сразу обратил внимание. У него завязались хорошие литературные знакомства в Петербурге и Москве, где он жил зиму. Летом он появлялся в Лобанове и жил большей частью у Александра Ивановича.

На 42-м году он женился на дочери поименованного священника Успенского, Елизавете Александровне. Говорят, она страстно влюбилась в него и вышла замуж против воли родителей. Сейчас же после свадьбы молодые уехали и вернулись только тогда, когда Елизавета Александровна родила дочь и заболела. Болезнь у нее развивалась все более и более и, наконец, чахотка свела ее в могилу. Николай Васильевич был страшно поражен ее смертью. Он любил ее глубоко и искренно. Мне говорили, что почти каждый день, в теплую погоду, Николай Васильевич возил ее в нарочно сделанной для нее тележке по селу, возбуждая тем всеобщие насмешки.

После смерти Елизаветы Александровны Николай Васильевич взял свою девочку и скрылся, появившись в Лобанове только через несколько времени. Воспитанием ее он занялся сам, и замечательно оригинально было это воспитание. «Он ее страстно любил, — сообщил мне Александр Иванович, — но любил по-своему». И, действительно, он делал все по-своему. Например, он купал ее следующим образом: разденет и спокойно бросит в воду. Ребенок, разумеется, кричит, силится выбраться на берег, отчаянно бултыхается ручонками, а он стоит себе спокойно на берегу...

В это время жизнь Николая Васильевича была уже вполне кочевая. Известно с какими целями, он бродил всюду по селам (уходил даже в дальние губернии) и везде в «своем» костюме и с девочкой—дочкой. Костюм этот был незамысловатый, а иногда просто нищенский. Вещей у него только и было, что с собой, а с собой он носил маленький мешочек, где лежала одна-другая рубашка, кое-какие «бумажонки» (рукописи) и простая русская гармоника. Он с нею не разлучался. Дочка, наряженная в мужской костюм, тоже всюду сопровождала его — и по деревням, и по питейным заведениям. В Лобанове почти всякий мальчишка видал, например, такую сцену: идет Николай Васильевич со своей дочкой и, наигрывая

* Кое-что из них я уже напечатал года три тому назад в одной провинциальной газетке⁶.

«барыню», подпевает себе самым развеселым образом что-нибудь вроде:

Любила я тульских,
Любила «калуцких».

Вообще, наружно Николай Васильевич казался веселым, хотя многие из его знакомых называли его «Мефистофелем», почему легко можно судить о характере этой веселости. В пьяном виде * он был смирен, среди мужиков — весел и добродушен, среди разных «подвальных» на заводе — серьезен и задумчив... Зная отношение Николая Васильевича к народу, особенно тяжело было слышать рассказы заводских рабочих; например, рассказ одного, который раз «закатил ему в шею, — ажно закувыркался»... Да не одно это много и тяжело было выслушивать, тем более, что не верить этим рассказам было невозможно: не могут же все врать! Видимо, все привыкли смотреть на Николая Васильевича как на обыкновенного бродягу-пропойцу. Вот, например, что рассказывал мне один лобановский кабатчик:

— Известно, бродяга был. Он, говорят, ученый был и книжки составлял, только мы этому не верили. Какое уже, к примеру, ученье, когда шлялся нищепродом? Раз пришел ко мне. Мы с женой сидим, чай пьем. «Дай, пожалуйста, чайку... хоть стаканчик».

— Выпили, говорю.

— Да ну, дай.

— Ах ты, господи, вот пристал.

— Ну хоть теплой водицы из самовара; дай, ради бога — душа пересохла.

— Это другое дело. Налила жена. Так верите, затряся, глотает, обжигается. Потом говорит:

— Дай водочки!

— Да у меня не кабак.

— Да ведь знаю — торгуешь.

— Ну, а знаешь — деньги давай.

— Денег нету.

— Ну и водки нету.

— Так возьми, говорит, что-нибудь...

— А что у тебя?

— Возьми штаны; и вынимает штаны из узелка. А там, извините, вместо штанов опоясая одни. На кой они мне черт.

— Ну возьми гармонию, я потом выкуплю.

Дал я ему за гармонию четвертную. Хорошо. Только дня через два становой ко мне. Что такое? Николай Василич оборудовал. Подал заявленье, что мы водкой торгуем, и гармонию у него отняли! Ведь насилие мы выпутались! Следователь хороший попался. Даже обругал его. «Бродяга, говорит, ты! Как же ты можешь напраслину на человека возводить?»...

Действительно, жизнь Николая Васильевича к этому времени стала совсем невозможной. Писать он перестал, знакомств хороших не осталось — все о нем как-то забыли — средств буквально никаких, и ко всему этому даже дочь его покинула. Измученная скитальческой жизнью, она ушла к дедушке, боясь отца, так что, когда раз Николай Васильевич пришел за ней, она с плачем бросилась в кухню. Николай Васильевич постоял молча, заплакал и ушел — уже навсегда — от родных.

Летом в этом же году один из его приятелей встретил его где-то в Самарской губернии в деревне, в питейном заведении, и был поражен его общим видом. Он был полураздет, худ и страшно грустен.

Через несколько месяцев он зарезался.

* Пить он начал лет в сорок.

«Русская жизнь», 1892, № 333, 8 декабря. Подпись: Ив. Б.—н.

¹ Статья не сохранилась, упоминание о ней см. Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 552.

² Напечатана в «Орловском вестнике», 1890, № 125, 31 мая, включена в Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 495—501.

³ Сб. «Весна пришла». Смоленск, 1959, стр. 231.

⁴ «Русские ведомости», 1895, № 259, 19 сентября; «Киевское слово», 1895, № 2806, 3 ноября. Сохранились письма родственников и знакомых Н. В. Успенского, откликнувшихся на его обращение; сохранился также и один из ответов Бунина на эти отклики (см. настоящ. том, кн. 2 — «Сводный обзор бунинских материалов в архивах Советского Союза»).

⁵ Эта характеристика А. И. Успенского резко расходится с оценкой его К. И. Чуковским. Последний основывается на резко отрицательном отношении самого Ник. Успенского к своему тестю, выраженном в его рассказе о богатом и жестоком попе (Н. Успенский. Письмоводитель.— Соч., т. 2. М., 1853, стр. 133—150).

⁶ Имеется в виду статья «К будущей биографии Н. В. Успенского» (см. выше примеч. 2).

⁷ Ошибка: Н. Успенский родился в 1837 г.

РЕЧЬ НА ЮБИЛЕЕ «РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Предисловие А. Н. Дубовикова

Осенью 1913 г. «Русские ведомости» отмечали свой полувековой юбилей. Основанные в 1863 г. известным писателем и публицистом Н. Ф. Павловым в качестве дешевой газеты «для неимущих классов», «Русские ведомости», выходявшие сначала три раза в неделю, ставили своей целью разъяснять «народу» действия правительства. После смерти Павлова (в марте 1864 г.) газета постепенно превратилась в большой ежедневный орган, успешно соперничавший с «Московскими ведомостями» Каткова. В 1870—1880-х годах «Русские ведомости» становятся одной из наиболее серьезных и влиятельных русских газет, находившихся в оппозиции к самодержавию. Широта политической платформы газеты создавала возможность для сотрудничества в ней не только либеральной московской профессуры, составлявшей руководящее ядро редакции, но и многих литераторов демократического направления, в том числе и некоторых видных эмигрантов-народников. В разное время в «Русских ведомостях» печатались Зайчневский, Лавров, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Гл. Успенский, Златовратский, Эртель, Короленко, Михайловский, Л. Толстой, Чехов, Мамин-Сибиряк и многие другие.

В пору революции 1905 г. «Русские ведомости» определяются в качестве органа, выражавшего основные требования партии кадетов, сочетая, по словам В. И. Ленина, «правый кадетизм с народническим налетом»¹.

50-летие газеты праздновалось в сложной политической обстановке, когда правящие круги царской России усиливали реакционный курс, пытаясь любыми средствами спасти насквозь прогнившую систему самодержавия, и когда, с другой стороны, явно обозначилось начало нового революционного подъема, охватывавшего все более широкие массы рабочего класса и трудового крестьянства. В этих условиях юбилей «Русских ведомостей» был использован буржуазно-кадетскими кругами для открытой демонстрации своей политической программы. На юбилейном заседании, происходившем 6 октября в помещении Литературно-художественного кружка, и на банкете в ресторане «Славянский базар» вечером того же дня с политическими речами, содержавшими требования введения конституции, обеспечения буржуазных свобод, приобщения России к политическим порядкам Запада, выступили М. М. Ковалевский, П. Н. Милюков, А. А. Мануйлов, П. Д. Долгоруков и др. Не случайно, что и официальное заседание, и торжественный банкет, в котором приняло участие более 600 человек, были насильственно прерваны по требованию полиции².

Среди произнесенных на юбилейном заседании речей речь Бунина была одной из наиболее острых, хотя он и сосредоточил свое внимание не на политических проблемах,